

Евгений Касьяненко

Забытый

солдат

империи

Евгений Касьяненко
Забывтый солдат империи

«Книжкин Дом»

2009

Касьяненко Е.

Забывший солдат империи / Е. Касьяненко — «Книжкин Дом»,
2009

Действие небольшой повести происходит на Северном Кавказе, но параллельно в двух временных промежутках – сорок лет назад и двадцать пять, когда в этих краях было неспокойно. Автор определил книгу, как утреннюю повесть.

© Касьяненко Е., 2009

© Книжкин Дом, 2009

Содержание

1	5
2	6
3	8
4	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Евгений Касьяненко

Забывтый солдат империи

1

(ретроспектива)

...За спинами пилотов зажглась лампочка, открылся люк и инструктор заорал:

– Давай! Пошел! Кто испугается – выкину!

Все то, о чем сотню раз говорилось на занятиях – как надо согнуться, как толкнуться, как держать руки – все это вылетело из головы Земцова, лишь только он увидел далеко внизу землю. Он и испугаться-то не успел. Шагнул как-то неловко, скорее, пошатнулся от воздушного потока и вывалился из «Аннушки». Ни обещанного динамического удара в момент раскрытия парашюта, ни бешеного раскручивания строп – он не почувствовал. Только когда громадное белое полотнище купола уже спокойно покачивалось над головой, Земцев пришел в себя.

Страх нет, одно лишь чувство полной, орлиной свободы растет и наполняет грудь. Вадиму хочется закричать, но в горле что-то клокочет и не выпускает воздух.

Сначала ему кажется, что парашют не снижается, а висит на одном месте. Но потом Земцев замечает, что все находящееся на земле понемногу растет в размерах. Он подтягивается на стропах, как учили, и усаживается удобнее в лямках подвесной системы. Пустота пьянит голову. Внизу, сквозь воздушную дымку, виднеется совсем маленький белый крестик, сложенный из парашютных «столов», фигурки, копошащиеся возле самолетиков и планеров, невдалеке – серпантин дороги, с бегущими по нему брусками автобусов и рефрижераторов. Дорога змеей уходит в горы.

Машинально, заученными до одурения на занятиях движениями, Земцев подтягивает один край строп, чтобы развернуть парашют и увидеть, куда уходит шоссе. Там, за крайней грядой гор далекая чудная страна – Афганистан.

– Эй, длинный, длинный! Тебе говорят, ноги! Ноги!

Неожиданно до Земцова доходит, что этот крик в мегафон наземного наблюдателя аэроклуба адресуется к нему. Он группирует, как положено перед приземлением, ноги. Земля стремительно нарастает. Вадим с ужасом видит, что летит на какие-то деревья и тут же, в доли секунды, понимает, что это не деревья, а кустики травы, перекаати-поле, и земля совсем рядом... Удар!

2

... Он проснулся, пережив вновь в последнюю секунду сна тот свой, самый первый прыжок. Сколько лет назад это было? Пятнадцать. Господи, как летит время...

Где он? Ах да, Баку, гостиница. А человек, который храпит на соседней кровати – полковник Маликовский, журналист окружной газеты внутренних войск. Вчера их привезли в гостиницу уже в девятом часу вечера и запретили гулять по городу. Пришлось вылакать две бутылки водки прямо в номере.

В полутьме Земцов нашарил на тумбочке сигареты и зажигалку. Закурил.

– Что за свинья курит в комнате? – подал голос Маликовский. – Учи вас, штатских, учи. Водка-то осталась у нас?

– А что это за свиньи в Советской Армии, которые в семь часов утра ищут водку? – в тон ему ответил Земцов.

– Вадик, когда до тебя дойдет, что внутренние войска – не армия? Это, во-первых. Во-вторых, мы с тобой можем смело квасить до обеда, потому что борт пойдет в Степанакерт только к вечеру. Единственное, что ты успеешь сделать сегодня – выпить за ужином той же водки с командующим, а интервью будешь брать у него завтра. Так есть водка или нет? А то давай пошлем «коридорного» в краповом берете, пусть принесет.

Вход на их этаж гостиницы, где жили только военные, охраняли спецназовцы. Маликовскому было приказано, в случае какой нужды, обращаться к ним.

– Успокойся, Семен. У нас канистра коньячного спирта. Летуны вчера передали. Ты уже спал.

– К-какая канистра? – От этой неожиданной новости Маликовский даже вскочил с кровати. – Шутишь?

– Да что шутить. Вон она стоит. В этих краях пошла, как грязь.

Они наскоро привели себя в порядок и сели к столу. Маликовский вскрыл своим устрашающего вида охотничьим ножом банку тушенки из армейского пайка.

– Семен, только договоримся – по чуть-чуть, что б голова не болела, и попросим, чтобы нам дали сопровождающих, посмотрим город. Я второй раз в Баку.

– Может, баб найдем?

– Так есть тут бабы, две в соседнем номере.

– Откуда знаешь?

– Спать меньше надо. Патологоанатомы. В сумгаитских трупах ковыряются.

– Бр-р-р... Впрочем, не бывает страшных баб...

– ...а бывает мало водки, то есть коньячного спирта. Семен, они старше нас лет на пятнадцать. Старое, пропахшее трупами мясо...

Рассвело. Вадим подошел к окну. Оно выходило на центральную площадь города. Дивной красоты города, который, судя по всему, вскоре станет для них таким же далеким и чужим, как какой-нибудь Тегеран или Бейрут.

...Заканчивалось лето 1991 года. Два дня назад Вадиму, собственному корреспонденту центральной газеты, позвонили из штаба округа и предложили облететь на вертолете все горячие точки Закавказья. Отказаться от такого предложения он не мог. Весь вчерашний день их военный борт шел через донские, кубанские и терские степи, потом вдоль каспийского берега Дагестана, пока не сел на каком-то маленьком аэродроме на окраине Баку.

Хотя Вадиму довелось немало полетать в своей жизни, этой длительный полет на военном вертолете, летящем очень низко – в пятидесяти-ста метрах над землей – произвел на него совершенно сказочное впечатление, абсолютно несравнимое с пребыванием в самолете. Из окна вертолета было видно всё. И пескаря, которого вытаскивал из воды рыбак, и бутылки

на брезенте, вокруг которых расположилась шумная кампания, и даже совокупающуюся парочку, над которой коварный пилот вертолета сделал вираж.

У Вадима от природы было очень хорошее зрение. Как-то в глазном кабинете ему сказали, что у него – 200-процентное зрение, так как 100 процентов – это всего лишь норма количества колбочек в сетчатке, а бывает и значительно больше. Теперь он возблагодарил Бога за этот природный «дефект» и жадно смотрел вниз, чувствуя себя, то ли Алладином на ковче – самолете, то ли Воландом, летящим на шабаш вместе с Маргаритой.

«О, как прекрасна вечерняя земля!» Конечно, когда на ней не стреляют...

Как он любил Кавказ, свой Кавказ...

3 (ретроспектива)

Никогда – ни до, ни после – у Земцова не было такого скоропалительного романа с женщиной, как в тот год. Никогда он не занимался любовью с женщиной через час после знакомства. И с какой женщиной!

...Тогда, десять лет назад, весь февраль Вадим испытывал приливы душевной импотенции, полное нежелание, да и неспособность писать в свою смертельно надоевшую газету. По пустяку поспорил с редактором из-за вычеркнутого абзаца в его плохой статье. Всю зиму выяснял отношения с женой, что закончилось переходом Вадима на жительство в квартиру холостого товарища. Он уже совсем был готов собрать чемодан и уехать куда-нибудь к белым медведям, хотя и знал, чем это ему грозит. И вдруг выход неожиданно предложил, а точнее, подsunул ему редактор. Шеф сказал, что в отпуск ведь можно уйти и зимой, а если еще поехать по «совершенно случайно» оказавшейся у него путевке в Дом творчества на Кавказ, к теплу и солнцу, то вообще получится на «пять с плюсом».

...Возле гагринского железнодорожного вокзала Вадим нашел автобус на Пицунду. До отправления оставалось минут пятнадцать. Земцов курил у трапа. И тут...

Сказать, что она шла к автобусу – ничего не сказать. Так идет по лесу антилопа, пружиня каждый шаг и как бы пританцовывая. Женщина была очень высокой, почти такой же по росту, как сам Вадим. На ней была твидовая юбка ниже колена, удлиняющая и без того колоссальной длины ноги. В пошлом мужском пересказе это звучит так: ноги растут от зубов. Почему-то Вадим сразу понял, что она – натуральная блондинка и почти наверняка – не русская. Прибалтка или немка, на худой случай – полячка. Земцов уступил дорогу и, не задумываясь, пошел следом за ней по салону, прихватив с ранее облюбованного сиденья свою сумку. Взять ее увесистый чемодан – Вадим сделал и такую попытку – блондинка не позволила. Он сел рядом.

– Мне кажется, здесь много свободных мест, мальчик, – сказала блондинка, по-смешному проглатывая букву «л».

– Вы до Пицунды? Впервые здесь? – Он проигнорировал упрек.

Выяснилось, что впервые.

– Тогда я вам расскажу обо всем, что здесь есть по дороге. К тому же, я – журналист.

Она засмеялась:

– «К тому же», я сама журналистка. Меня зовут Эва. Я из Риги.

– Великолепно, коллега. Кстати, когда я последний раз был в Юрмале...

Они еще не успели доехать до цитрусозового совхоза, что на полпути к Пицунде, когда уже знали друг о друге почти все – откуда, кем работают и куда едут. Разумеется, ехать им было в один и тот же Дом творчества. Вадим действовал почти наверняка – всю дорогу он рассказывал не столько о Пицунде, сколько о своей покойной бабушке, жившей когда-то в Риге, и о том, какой замечательный это город.

Но потом произошло такое, что вообще не укладывалось в представления Вадима о курортном романе...

У них были совершенно разные путевки, хоть их и поселили на одном этаже. Вадима одного – в двухкомнатный «люкс», с широкой кроватью и диваном, с лоджией, выходящей на море (редактор употребил свои связи). Эву же подселили в комнату, где уже жила какая-то женщина. Единственное окно глядело на горы.

Спустя пятнадцать минут Эва вошла в его номер и издала рев раненой пантеры. Она заявила, что в социалистическом государстве не может быть такого хамства и таких нарушений прав женщин. Вадиму предстоит немедленно переехать в их комнату, а Эве и Люсе, так звали

соседку по номеру, надлежит занять его “люкс”. Эва также сказала, что готова немедленно расплатиться за обмен в любой форме оплаты.

Вадим был совсем не против обмена. Это давало ему кое-какие преимущества в общении с Эвой. Он уже решил для себя, что «расплатой» будет их совместный поход в какой-нибудь ресторанчик. «Ну, не сегодня, так завтра».

Через десять минут обмен был совершен, Люся отправилась в центр поселка за грузинским вином, а Эва, в присутствии Вадима, начала... снимать свою твидовую юбку.

Вадим раскрыл рот и так стоял, совершенно сбитый с толку происходящим. «Может быть, у них, латышей, принято переодеваться перед мужиками?»

– Я же сказала – расплата будет мгновенной. – Эва уже взялась за блузку.

«Это что – розыгрыш?» Земцов изумленно смотрел на Эву. «Ну да, сейчас я сниму брюки, а она пригласит Люсю, которая где-то рядом, и они будут смеяться до упада».

Эва продолжала раздеваться. Оказалось, что у нее такая же красивая грудь, как и ноги. Она посмотрела на Вадима и расхохоталась, увидев его физиономию.

– Ты что, боишься? Забавные вы, русские! Азиаты. Дикари. Ты же меня захотел, как только увидел. Это я в Гаграх поняла, когда еще не вошла в автобус. В чем же дело, мальчик? Ты южанин, добирался сюда полдня, а я тряслась в поезде больше двух суток, едва не кончила от тряски. Мой Имар уже, наверное, перетрахал всех моих подруг за эти два дня. Ну, давай, смелее. В ванную на две минуты и сюда. На меня.

Вадим машинально стал раздеваться, так и не веря происходящему.

– Быстрее. Люся придет через полчаса. – Эва легла и, казалось, ее ноги длиннее кровати.

Она была настолько жадной в постели, что у Вадима появилось чувство, что его насилюют.

Через двадцать минут они уже сидели в шезлонгах на лоджии и смотрели на море. Было начало марта. Градусов 16–18 тепла. Но на солнце становилось даже жарко. Вадим потянулся погладить ее коленку и подумал, что сейчас Эва его ударит за хамское поведение с незнакомой женщиной. Факт, что он только что с ней переспал, не укладывался в сознание, оставался для него абсолютно нереальным. Это было похоже на что? Да, точно, на тот первый прыжок с парашютом или на ту его давнюю стремительную поездку во Францию. Ах ты, черт! Эва засунула его руку под свой халат, надетый на голое тело, надежно укрепила ее на своей груди и наградила долгим поцелуем.

– Все хорошо, мальчик. Ты мне понравился. На сколько дней ты приехал?

– На двадцать четыре.

– А я всего на двенадцать. Ну, ничего, остальное доберешь после моего отъезда с Люсей.

– Эва, постыдись...

– Это проза жизни, коллега...

Они смотрели на такое безмятежное море...

4

Когда Вадим вылез из вертолета в Степанакерте, ему прямо в живот уперся короткоствольный десантный автомат. Автомат держал в руках солдат-азербайджанец. Он глупо улыбался, глядя Земцову в глаза, и раскачивался, жестами прося сигарету. Солдат был мертвецки пьян. Вадим осторожно отвел от себя дуло, облегченно вздохнул и пошел за вертолетчиками и Маликовским.

В штаб их везли в железном брюхе бронетранспортера. Земцов смотрел на незнакомый ему город через отверстие для стрельбы и не понимал – для чего их засунули в железяку. Город производил ощущение совершенно мирного. По улицам гуляли люди, работали магазины.

За два последующих дня они побывали в Агдаме, Мартуни, Шуше, в десятке азербайджанских и армянских сел. И везде повторялось одно и то же. Военные с предосторожностями передавали их из рук в руки, засовывали в очередной «броник» и везли дальше, заставляя париться в духоте среди таких безобидных граждан двух закавказских республик. Вадиму это было обидно. Но, и это было весело, точно также военные поступали с Маликовским, словно у того на плечах были не настоящие полковничьи звезды, а в лучшем случае лычки юного воспитанника суворовского училища.

Войны, на которую ехал Земцов, он не увидел. Она, невидимая, была где-то рядом. В Мартуни их привезли в школу, где была расположена воинская часть. Ее командир, он же военный комендант города, майор, сидел в учительской и перебирал в руках... аттестаты зрелости.

– Вот, становлюсь временным «директором» школы, – объяснил он журналистам. – Мартуни – армянский город. Здесь учились ребята из соседних азербайджанских сел. Но теперь сюда и носа никто из них не покажет. Сами развозим аттестаты по селам. А что будем пить, господа офицеры? – командир переменял тему. – Прошу.

И жестом фокусника открыл холодильник. Там было все. Марочные коньяки, вина, все тот же коньячный спирт и прочее, абсолютно немыслимое для центральной России эпохи недавней горбачевской войны с алкоголизмом. Они пошли во двор школы, где солдаты запрудили горный ручей и сделали небольшой бассейн с ледяной водой. Им принесли сюда же какие-то диковинные армянские голубцы – баранину, завернутую в виноградные листья. Вернулся с дежурства наряд – пятеро солдат и сержант. Командир, слегка смутившись присутствия журналистов, все же разрешил ребятам выпить по стакану вина.

Было безмятежно хорошо. И тут где-то вдалеке протарахтела очередь из автомата. Все спешно оделись. Но командир сделал непреклонный жест – Вадим и Семен должны были остаться в школе. Вернувшись через час, командир рассказал грустную историю про их, с Маликовским, коллегу. Азербайджанцы, видимо, охотились за редактором местной газеты и знали номер машины редакции. Машину остановили на шоссе. За рулем сидел мужчина, рядом женщина. Муж и жена. Мужчину выволокли из машины и пропороли живот очередью из автомата. Те, кто нападал, не знали одного – редактором была женщина, а не ее муж.

– Так что же будем пить, господа офицеры? – У командира части, видимо, был приказ от начальства как следует напоить журналистов. Он, нарочито грацируя, повторил:

– «Господа офицеры?» – Тогда это было еще модно и свежо, был жив Тальков. За «господ» еще не били по морде, еще не изобрели словосочетания «новые русские».

Когда очередной «броник» увозил пьяных журналистов из Мартуни, врачи продолжали копаться в распоротом очередью животе редакторского мужа, пытались сделать невозможное.

На пол дороги их остановили у блокпоста, оказывается, снова с целью предложить выпить. Земцов так и не понял, почему в Карабахе их постоянно спаивают. Видимо, таковой была команда, поступившая от начальства – спаивать журналистов. А, может быть, офицеры просто маялись от безделья и искали собутыльников. Уже стемнело. Но когда Земцев вышел

после рюмки из здания блокпоста, сложенного из массивных бетонных плит, и закурил, к нему тут же подскочил офицер и выхватил сигарету изо рта:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.